

Илья Члаки

ТЫ ПРОСТИ МЕНЯ..

(МОНОЛОГ)

*Двухкомнатная квартира. Впрочем, перед нами
лишь одна из комнат, дверь в другую закрыта.*

Утро. Старик. Говорит в сторону закрытой двери.

- Эй, старая, вставай, утро уже. Что-то поесть надо. Незачем так долго спать. Тогда надо было, в молодости, а теперь на заходе – нельзя. Да и брюхо у меня пустое. А мне, старая, голодать ну никак невозможно. Не привык я. Сама приучила. Так что я теперь могу и разозлиться. Эй, не слышишь, что ли? Чертовка! Чайник, так и быть, поставлю, но остальное сама будешь делать.

Идет на кухню, ставит чайник на плиту.

Нравится ей спать по утрам. Ночью, небось, колобродит, вот и дрыхнет теперь. Есть хочется... (*Заглядывает в холодильник.*) Сын где-то пропал, тоже хорош... пустой холодильник, знает ведь... Сыр уже три дня лежит... (*Достает сыр, масло.*) Спит баба!.. хорошо ей... не понесу туда чай, пусть знает. Привыкнет еще, так и буду каждый день к ней с кружкой бегать. Ничего, встанет, как миленькая. Яиц даже нет. Чертов сын. Ему уж... о, забыл сколько ему лет... Думаю, лет пятьдесят будет... ну да, если мне семьдесят шесть, да, наверняка... может, даже больше... Во сколько ж я его заделал? В двадцать четыре или в двадцать пять. А может, и в двадцать три. Не важно. Ловко я его тогда... Бабка, помнишь, что мы творили? Я помню, все помню. Не надолго, правда, тебя хватило... Ты вообще не по этому делу, все время о чем-то другом думала. Дура, всю молодость прошлапила. Такое дело, можно сказать, полностью пропустила. Хрен его знает, кто там был у нее до меня, но здорово он ей нагадил, отбил вкус от самого важного. Хе-хе! Но годик было нормально, хе, даже весело. Развлекались без перерыва. Помню однажды трое суток из постели не вылазили... Эй, старая, слышишь, что говорю? Вспомнил, как мы с тобой в постели три дня подряд... Помнишь? Еле ходил после этого. И ты, старуха, тоже. Хотя ты на день раньше отключилась. Не ври, я это точно тогда почувял. Глазки твои потухли и я понял – каюк, больше не может. Ух, разозлился. У меня еще – о-го-го! а она – все! Где ж любовь? Неприятно было. Помню. И не потому тебе расхотелось, что устала, ну, физически, а по другому, не знаю почему... потому что глазки потухли. Все помню! Дал я тебе за это жару! Еще сутки без перерыва. Тебе все стер, себе, аж дым валил, но на своем настоял. Уважать должна! Слышишь? Должна уважать!

Какое уж там уважение... Жрать нечего, сыр засохший... видать, он у него полежал недельку, потом к нам попал... (*Отрезает, ест.*) Гадость все это! Нельзя эту дрянь есть! Вот отравлюсь твоим сыром и буду серить три дня подряд! Таковую вонь

подниму!.. проснешься тогда!.. Купить не может нормальной еды... Где твой сын?! Прыгает где-нибудь... лысый уже, а туда же... по бабам бегают, сволочь. Я знаю, он своей жене изменяет. Зуд у него там... носится со своей дубиной! Башки у него нет, только набалдашник, а мозгов – пф!

Вставай, старая, я есть хочу! Хоть кашу свари или картошки... С такой женой кости сами в гроб пойдут. Хорошо устроилась, развалилась себе, а я отдувайся. Я тебе чай не понесу! Сама придешь, ничего с тобой не будет!.. Я, может, больной. У меня, может, столько болезней!.. может, они даже очень опасные... может, смертельные!.. Я, вон, не сплю все время!.. Голова спать не хочет! Гадости всю ночь какие-то думает! Башка моя давно подохла, никак меня остального за собой не затащит. Мучаюсь тут с тобой... Чай ей, видишь ли, подавай. Тоже мне барышня нашлась. Всю жизнь – барышня, пора и слугой побыть. Да ладно, никто не поверит, что ты в молодости другой была. Такой же. Ни вот на столечко не изменилась. Никогда ничего не допросишься. *(Наливает чай в чашку, бросает два куска сахара, делает бутерброд с сыром.)* А могла быть нормальным человеком, могла. Была ведь. Хоть недолго, а была. Когда глаза еще горели.

Не понесу тебе чай и бутерброд не дам, ты все равно спишь, а я есть хочу, голодный... Где твой сын? Когда он еще придет?.. Он месяц может не приходить, ты ему не нужна, ясно тебе, не нужна!.. А у меня уже сил нет в магазин ходить. До угла дойду, дальше не могу, ноги болят, хоть кричи караул. До булочной еще смогу доковылять, а к молочной – нет, не доползти. Все, старая, будем с тобой голодать. На голодном пайке будем сидеть. А что? Два дня мы уже... Вот жизнь пошла! Как в войну.

Помнишь войну? Ни черта ты не помнишь! С кем ты тут... пока я там по дерьму скакал?! Три года без мужика, да?!

Дудки! Кто тебе поверит! Небось, за три года такое тут накувыркала! Рассказывай! Три года... Ничего, пехота, мы свое тоже не теряли! Так-то, бабка!

Ох, эта сука, подкаблучница фашистская!.. В Чехословакии это было, в деревне. Тварь, не хотела! Силой взял, гадину! Ух, я ей!.. вокруг дети спуют, она орет, а мне плевать!.. Знай наших! Чуть до смерти ее... даже жрать не стал, как ее увидел!.. Извивалась подо мной, как змея! Ничего, слезами умойся! Так голодный и ушел.

Вот и все, за три года эта да еще три или четыре таких же... За всю войну по настоящему ни одной бабы не было! Так-то! Я с ума сходил! Слышишь?! Я выл! Выл как зверь!..

Тогда я тебя вспоминал, только тогда!.. Верка, - орал и!.. Верка!..

Вот тебе и вся война. И никаких геройств. Кроме ходьбы или бега куда-то ничего не помню. Стрельба, грохот, лужи крови, куски человеческих тел... Блевотина!.. А я без голоса там... проорал свой голос... там без этого звериного крика нельзя было...

Не могу!!! Немец этот!.. Откуда он взялся, сволочь?! А я без оружия, без всего!.. Ай!.. Как я ему!.. На! получай! на! О, господи!!! Здесь эти глаза! До сих пор стекают по пальцам!..

А ты... теперь поняла, почему они кривые мои пальцы? Пальцы! Я сам кривой! Вот так, бабка.

Н-да, хреновая жизнь пошла. Хорошо хоть чай есть. А может, и не хреновая. Человек, когда спит, есть не хочет. Спи, ласточка, спи... Ох...

Берет чашку с чаем, бутерброд, идет в комнату.

Вот так и живем. То на кухню, то из кухни, то на кухню, то из кухни. Спорт, активная жизнь... Вставай, баба, жратва пришла. Все приготовлено в лучшем виде, как королеве...

Он заходит в ее комнату и через паузу выходит без чашки и бутерброда.

Ну и ну! К концу дня ни одной чашки не останется, даже воду будет не из чего пить. Пять чашек и ни к одной не притронулась. Так полные и стоят, и бутербродик сверху. Голодовку объявила, что ли? Давай-давай, в тебе и так килограмм сорок. Еще пару дней поголодаешь и ветром сдует. Лежит себе тихонечко, вставать не хочет. Чего ты лежишь? Я голодный! Слышишь? Эх ты, ведьма чертова! Всю жизнь ведьмой была и теперь... В тихом омуте... Опять меня одурачила! Я ей чай таскаю, а она!.. Так-то! Плохо, видишь ли, ей! Хорошо!

Вот и тогда!.. Я помню! Тебе разве муж нужен был?! Плевать ты хотела, я знаю! Ребенок! Больше тебя ничего не интересовало. На, получай ребенка! И он меня ненавидит, и ты всегда ненавидела!.. Ты воспитала его таким! Он и тебя ненавидит! Увидишь! Придет, глянет на тебя и даже слова не скажет! Плевать он хотел! Посмотрю я на него тогда! Выродок! Это не мой ребенок, не мой, поняла?! Твой он! Запомни раз и навсегда – твой! У меня не может быть такого сына! А-а, знаю, что ты скажешь! Только не я с ним сидел, не я его воспитывал! Ты, ты! Если б ты его любила, хоть вот столечко, если б... если б ты меня любила!.. Ни меня, ни сына своего ты не любила! Не видел я этого, не видел! Ты никого не любила! Даже своего первого! Голову даю на отсечение – не любила! Что, угадал?! Нет, ты его помнила, точно знаю – помнила, может, даже мечтала о нем!.. как же, девственности лишил!.. Старая!..

Звонит телефон. Звонит долго, мучительно. Старик на него смотрит, трубку

не берет.

Звонит. Слышишь, бабка? Тебе звонит. Сынок твой. Прямо по мозгам звонки его! Башка разрывается, Вставай, бабка, вставай! Поговори с сыном! Он с тобой хочет говорить. Вставай, сказал! Ты что же, не хочешь с сыном разговаривать?! Сынок, она не хочет с тобой... не хочет! Видишь, какая у тебя мамочка? А ты думал – другая, думал, дружная семейка?... ну как же, чай вместе пили, суп жрали, что там еще... Мамка души в тебе не чаяла, папка тоже... Все, Толенька, это было давно, забудь! Теперь нам не о чем с тобой говорить! И тогда было не о чем. И с тобой не о чем, и друг с другом не о чем! Не звони сюда больше никогда!

*Звонки повторяются. Старик хочет взять трубку,
но одергивает себя.*

Опять! Гуляем мы! Нет тут никого! Сдохла бабка, сдохла! И нечего сюда звонить! Ты тоже сдохнешь! И жена, и дети твои!.. Моя внучка, моя внучка!.. Все передохнем!

Верка, Верка, Верка... Что ж ты молчишь? Скажи, хороший у тебя муж? Молчи! Не верю ни единому твоему!.. Когда ты была молодой и красивой, да, красивой, очень красивой, я и тогда тебе не верил. Уж больно ты была хороша. Ах, как я влюбился!.. Я помню!.. Я тосковал, маялся, умирал! потому что не было тебя рядом! Ох, дураком, каким болваном я был! А ты ведь была с ним! Да? С первым своим была? Я с ума сходил!.. А она в мою сторону и не глядела! Не было такого человека. Был! Был! Я подыхал без тебя! Плакал как ребенок!.. Но я нашел выход. Взял себе какую-то... на полгода или меньше, потом другую, третью... я был парень простой, заводской... аппарат у меня работал... Из-за тебя я почти год прожил с этой дурой, чуть не женился на ней. Тамаркой ее, что ли, звали... она для меня что угодно могла сделать. Потому что любила! А когда от нее ушел – надоела, стервозная была, – так она чуть ума не лишилась. Так-то, милая моя, Верочка. А ушел не просто так. Опять ты на моем горизонте появилась. Замуж собиралась. За своего. Или это уже был другой? Все время сожрало, ни черта не помнишь. Может, ты к этому моменту без никого осталась. Это скорее всего. Да-да-да, тут-то я и подросел. Правильно, никого у тебя не было. Тоска была. Вот она у тебя откуда. Точно! Я понял! Это не от меня! Да! Как же я... Ты тогда жила как в погребке, я еще подумал: вот человек, без света в лице. Мне тебя жалко стало. Я сказал себе: сделаю ее счастливой. Ну и дальше... помнишь? Забыла, старая, забыла! Как же... бухгалтер ты чертов! ты все должна помнить! Неужто не помнишь, как мы с тобой гуляли целый день, а потом я привел тебя к себе в комнату... у меня

была своя комната... Я тебе что-то рассказывал, а вечером мы легли. Не помнишь? Не помнишь, как мы с тобой легли?

Я помню. Был вечер. Мы не зажигали свет, но я видел тебя... Я раздел тебя... хотя, нет... ты раздевалась сама. Да-да, так это и было. Ты раздевалась, а я смотрел, смотрел на тебя, и передо мной постепенно раскрывалось все твое тело. Сначала я увидел руки, они меня удивили твои руки – тонкие, прозрачные, я никогда не видел таких рук. Потом ты отвернулась и сняла блузку, и я увидел твою спину – гладкую, ровную, мышцы слегка подрагивали... Ты сняла юбку и трусики... Боже, какая стройная!.. Ты закрыла грудь руками и пошла прятаться в постель, но я остановил тебя и повернул к себе... Я был в одежде, а ты – без всего. И я не мог на тебя наглядеться. Я готов был стоять целую вечность и смотреть на тебя. Я дотронулся рукой до твоей груди... и тело твое заиграло... Больше я не мог выдержать. Мы упали в постель. Я исцеловал тебя от волос до кончиков пальцев, я умирал!.. Я рвал на себе одежду, рычал, готов был разорвать тебя от своего нечеловеческого желания, от чувства победы и превосходства...

Потом мы пили чай. Чай. Опять чай. Сколько я выпил за всю жизнь этой жижи. Пойду налью себе. Ты уже выпила? Больше не хочешь? А я хочу.

Идет на кухню, наливает себе чай.

Что ж ты сыр не убрала? Я говорю, сыр надо убирать! Холодильник для чего?! Черт возьми, он портится, когда не в холоде!..

Убирает сыр, возвращается в комнату.

Ни черта не делает! Посуду не моешь, в комнате грязь, пыль, живу как на помойке! Вставай, убирай все! Почему я должен жить в грязи? всю жизнь из нее не вылез! Могу я хоть в старости, хоть в старости!.. Бабка, убери, прошу тебя! Не могу я, когда песок под ногами! Сын твой!.. жена у него есть, пусть придет, скажи ему! Или сама давай! Или ты убирай, или она, все равно, лишь бы не песок! Хоть бы внучка пришла... Даже внучка к тебе не приходит. Вот до чего дело дошло. Сколько ей сейчас? Не помнишь! Ты ничего не помнишь! Поэтому ее здесь и нет! И не будет! Старостью от тебя пахнет, бабка. Не помнишь этого запаха? Я помню.

Когда маленьким был, мой отец так пах. Ни хрена не помню из детства, только запах этот... Мать заставляла меня целовать его перед сном. Я подходил к нему, тянулся к щеке и чувствовал старческий запах. Он весь пропитался им. Для меня эти ночные прощания, как казнь были. Из-за запаха. Кожа, что ли, его пахла? И ведь не такой старый был. Не то, что я сейчас. Или ты. Мы, поди, разим за сто верст.

Ох, батя!.. Видел я, как ты у нас дома, пока матери не было, одну девку... все видел, от начала и до конца!.. Вот так, папаня, не знал ты, что я дома, а я спрятался... Как мне хотелось выскочить, закричать, дать тебе по роже!.. Как я ненавидел тебя! как любил тогда!!.. Как хотел, чтобы мать пришла и все увидела! и сам хотел досмотреть! Ах, как ты ее!.. Я потом не мог на тебя смотреть... но и вспоминал с удовольствием...

Вот... *(Принюхивается к себе.)* Сам свой запах никогда не почувствуешь. Отвратительное животное – человек. Воняет. Смердит. А ты не пахнешь, Вер. Черт его знает, почему, но не пахнешь! При жизни вся провоняла деньгами, сколько руки ни мыла, не помогало, оставался запах... Да что там, вся квартира пропиталась... Кассирша ты, чертова!..

Преследуют меня все эти запахи!.. Знаю! Бесило тебя, что ты такая умная, грамотная, а муж твой в котельне сидит! Бесило! А мне на это!.. Я после войны вообще не хотел работать! Так уж, из-за сына... И денег я приносил достаточно! Побольше твоего! Тому кран почини, другому, еще какой ремонт по мелочам – вот они и деньги. Я с тех денег телевизор купил. По рублю, по трешке – и телевизор. Вот радости было, когда я его притащил. Дрянной, черно-белый... правда, цветных и не было, но все равно, плохенький, экран маленький... А праздник, праздник какой был в доме!.. Я радовался, как ребенок. Мне так хотелось телевизор и тут, на тебе, удалось купить, то есть накопить. Я помню. Как выбирал его, разглядывал, чтоб не окарябан был, красивый. Домой привез, включил – и онемел, минут двадцать стоял, не шелохнувшись. Помнишь, Вер? Я счастлив был! У меня дома – телевизор! А в нем – люди, живые человечки, говорили, пели!.. Я первый месяц оторваться от него не мог. Приходил с работы – и сразу к нему. Он для меня был как... я с ним общался, разговаривал... А купил чуть ли не самым последним в доме... даже у соседки, уборщицы был... А вот теперь не смотрю, хоть и цветной. Пораньше бы, теперь не нужно. Сын отдал свою развалюху. Новый не купил, старье сбагрил. Старью – старье, правильно.

Подходит к закрытому балкону, смотрит на улицу.

Погода хорошая. Снега совсем не осталось. Весна, старая, слышишь, весна. Надо бы балкон расклеить... Хорошо, наверно, сейчас на улице. Впрочем, мне уже все равно. Это не мои дни, мои там, позади. У меня все позади, впереди только... Ха. А ты болтаешься посередине – ни там, ни здесь. Хотя, нет, ты уже там. Но у тебя ни позади, ни впереди – ничего. А у меня есть, прошлое есть... Вот, попала ты в историю.

Где там мой чай? Ты принесла мне чай? Я же просил... Принесла. Молодец.

Думал, опять скажешь: устала, сам возьми... Хорошо, что ты принесла мне чай. В горле пересохло... *(Отпивает.)*

А вот ты мне скажи, как ты спишь? Я плохо. Совсем не сплю. Так хочется поспать!.. А не могу, не могу уснуть! Все из-за головы этой дурацкой!.. Не хочу ни о чем думать, хочу не думать, понимаешь ты, совсем не думать, просто уснуть и все, и ни о чем не думать! А как это сделать? Как сделать, чтобы лечь и уснуть? Как все люди. Они ведь просто ложатся и засыпают. И я так хочу.

Таблетки! Таблетки. Правильно. Сын приносил снотворное. А-я-яй, как же я... Куда ж я их?.. А-а, знаю, там они!..

Достает из тумбочки таблетки.

Вот они, хорошие! Как же я про вас забыл. Сынок-то, заботливый, видишь, на бумажке написал – снотворное – чтоб не перепутали. Снотворное. Заботливый. Лучше б у меня дочь была. Она бы меня любила, думала бы обо мне. *(Достает таблетку, жует и только потом заливает чаем.)* Дочь – это дочь. Это даже лучше, чем внучка. Если б у меня была дочка... а у меня сын. Вот, таблетки принес. Молодец. Без этих его таблеточек... Как я про них забыл? Все-таки, сын – тоже неплохо. *(Читает.)* Одну – на ночь. Одну. Разве меня возьмет одна? Придумал же. Это, что слону дробина. Кто ему насоветовал такое. Мать, что ли? Вот сама и пей по одной. А я хочу спать. Так, чтобы целиком превратиться в сон. И чтобы снов не было. Голова отдохнуть должна, понимаешь? *(Достает еще пару таблеток, жует.)* Придумал ведь кто-то... чудно, таблетки для сна. Значит, и от сна должны быть. Бабке моей пить нужно. Слышишь? Сына хочу попросить, чтобы купил тебе пилюли от сна. Слышишь? Спит. *(Смеется.)* Спит старушка. А на улице солнышко. И в квартире тоже. Пойду-ка спину погрею.

Становится к лучу солнца.

Греет, греет, старая! Ха-ха! Помнишь, как-то мне захотелось на солнышке? Вот смеху было. Так меня это солнце раззадорило. В парке каком-то. Солнце грело вот так же, и я захотел тебя увидеть в его лучах. На полянке. Народу не было. Ни одного человека. Я успел только расстегнуть тебе кофточку... Признайся же, что и ты хотела. Я видел, видел! Почему же тогда?! Чего испугалась? Мы могли спрятаться в кустах, но ты наврала, что не любишь заниматься этим на улице, и потащила меня домой. Да... В комнате ты нашла такое же, как это, пятнышко солнца, бросила на него одеяло и... Там надо было, там! А в нашей сырой комнатенке... только противно было. Помнишь, как было гадко? Оба были в скверном настроении.

Три таблетки, а сна ни в одном глазу. Делают дрянь!.. Или сынок покупает

подешевле, такое, чтоб не действовало. Твой отец – не развалина, запомни! Ему нужно все нормальное, как для живого! Мог и покрепче купить! *(Жует таблетку.)* Таблетки-то, меньше трудно себе придумать. Никогда таких крошечных не видел. *(Высыпает несколько на ладонь, рассматривает.)* Ну и ну, маленькие, как блохи! Небось, для кошек. Чтоб не орали. Ух, эти кошки!.. Ненавижу! Передавил бы! Так она распластается, тварь, и задницу свою подставляет!.. ух!.. *(Ссыпает таблетки в рот, жует, затем запивает чаем.)* Точно, для кошек.

Эх, Вера, Вера... Пожили мы с тобой, а что толку? Я говорю, жили-жили, а зачем? А-а, что с тобой!.. Я-то хоть погулял вволю. А ты? Что ты за человек. Хоть бы разок изменила, что ли. Я тебе изменял тысячу раз. Ну, может, поменьше, не помню. Одно время даже любовница была. Это мне лет пятьдесят уже было. А ей... тридцать пять или тридцать три, где-то так. Ох, девка была! Ноги от шеи росли. Грудь!.., а кожа!.. Лоснится. Ни одной морщинки. Сколько она со мной была?.. О, это что ж получается, одиннадцать лет! Вер, слышишь, одиннадцать! Красивая была. Да ты ее видела. Из первого подъезда.

У нее с замком что-то случилось, пришла ко мне в котельню... А что? Ко мне весь дом ходил, даже из соседних домов... что-что, а руки у меня были, все знали. Ну вот, приходит, рассказывает про замок свой, а потом и говорит: вставьте, мол, новый... Хе-хе!.. ну я и вставил!.. Ох, девка!..

Она меня Лешкой звала. Лешка. Я ей говорю: я тебе в отцы гожусь, а ты – Лешка. А она мне: что ж мне тебя Алексеем Федоровичем звать? И смех, и грех. Тело у нее наливное, каждый раз смотрел и глазам не верил, не понимал, как это ей удалось так сохраниться. Забывал, дурак, что это нам с тобой за пятьдесят, а она еще молодая, у нее еще кровь бурлит... Несчастливая была... Была бы счастливой, не связалась бы со мной. Что-то у нее там не получилось, с мужем, что ли, или с любовником... и детство у нее было... Я полюбил ее, понимаешь ты, как дочь полюбил! Все готов был для нее сделать. И делал. Что ни просила, все делал. Она меня тоже, видать, за отца держала. Точно. А постель – это так... игра такая. На том ведь и сошлись. Доченька... Где она сейчас?.. Она же переехала, поменялась куда-то. Замуж, небось, вышла. Хотя, вряд ли. Вспоминаешь ли ты меня, доченька? Я ее так и звал, как бы в шутку – доченька. А она – Лешкой. Доченька...

Э-э, да ты, небось, все знала! Вы, бабы, народ подлый, вас не проведешь. Знала? Говори, теперь уже можно. Знала, сам знаю, что знала. А молчала! Немая совесть. Знает, но молчит. Слова на эту тему не скажет, не упрекнет. Пусть, мол, сам

мучается от моего молчания, пусть видит, что мне все известно, а я – ни звука. Совесть! Немая!.. Ох, ненавижу я тебя за это! Убить был готов!.. Молчишь? Опять молчишь?!

Теперь-то я спокоен. Мне, вот, сын таблеток дал для сна, наш сынок, я их принимаю, эти чертовы таблетки, и успокаиваюсь (*жуёт таблетки*), и сплю от них прекрасно! А ты молчи, молчи...

Все же, интересно, во сколько она умерла?.. Два дня тебя спрашиваю одно и то же. Трудно ответить? Ночью, что ли? Или на рассвете? Скорее на рассвете. Ну да, в окошко смотрела, солнце ждала. Во сне померла, точно. Хорошо. Не проснулась и все. Хотя, может, и звала меня, да я не слышал. Ей, когда нужно... Никого она не звала, никто ей не нужен был. Лицо спокойное, тихое... Нет, не звала. А солнца так и не дождалась. Эх, дуреха!.. К солнцу ползла? Чего ж на полу развалилась? Ну, ничего, на полу полежи. Поди, надоело в кровати? На твердом оно полезней, и костям разминка, так что, правильно, что на паркет брякнулась. Грохоту, видать, было!..

Ты вот что скажи: отчего это мертвец всегда тяжелый? По килограммам он, может, и не такой увесистый... а тяжелый. Почему? Помню, мне лет пятнадцать было, бабка умерла. Мы с отцом ее перетаскивали с места на место, ну, чтоб ее нарядили, обмыли, что там еще... А бабка была тощая-претощая, вроде тебя, и тащить было легко. Но тянула она вниз куда-то с такой силой!..

Вот дурак! что ж я давно-то не додумался! Эх ты, какой же я!.. старый стал, тупой. Вер, слышишь, я все придумал!.. сейчас я, запросто!..

Заходит в ее комнату, оттуда слышен его голос.

Давай-ка, вот так, вот так... Хорошо... Ложись-ка... Вот тебе, для тепла... Готова? И я, пожалуй. С богом!..

Он появляется в дверях, за собой с трудом тянет одеяло, на котором лежит его старуха, покрытая простыней.

Напрягись, старая, немного осталось!.. Раз-два, взяли, еще раз, взяли! Эх, дубинушка, ухнем! Эх!.. сама пойдет! Подернем, подернем!.. Тяжелая, бестия!.. Умерла б ты лет на десять пораньше, я б тебя, как пушинку!.. Десять лет назад я еще крепкий был. Шучу. Лучше б я десять лет назад подох, а ты бы меня теперь тягала. А? Потасила бы? Эх, ты! С места бы не тронулась. Сдох и сдох, туда ему и дорога. Всплакнула бы, не больше. А я тебя волоку! Как ни тяжело, а вот!.. Запоминай, Верка! Отдохнем чуток... Что-то сил совсем не осталось. Если так дело пойдет, можем и не дойти до цели. Или дойдем? А? Как считаешь? Молчи-молчи, домолчишься. Сейчас я, для силы... (*Берет несколько таблеток, жуёт, заливает чаем.*) Сын говорил, есть

таблетки, которые силы дают... Дотянем, не бойся. Совсем перепуталась, дуреха. Не брошу тебя на полпути, хотя стоило бы. Поедем, поедем!.. Совесть!

Тянет одеяло к солнечному пятну.

Ну? Видишь?! Солнышко-то забрезжило! Куда тяну! Все с недоверием! Вот куда! Хотела ведь солнышко увидеть? Бабка! Обратно поволоку! Куда ее тяну!..
 Меньше вопросов задавать надо. Лежи себе, ни о чем не думай. За тебя все обдумают, не глупые, слава богу. Знай свое дело – молчи! Лезешь все время, куда не просят.
 Тепло? Так-то вот! Умаялся с тобой. Хоть бы болтала поменьше. Трешотка. Все мозги в язык ушли. А раньше все молчала!.. Что ж ты на старости лет разговориться решила? Молчи уже. Ох, устал я с тобой... прям испарина... Ох... И ведь не ревновала ни разу. У тебя что, вообще это чувство отсутствует? Дура, хоть бы притворилась! хоть раз, один разок!.. Что-то мне не по себе... голова что-то... ох... ничего-ничего... Красивая ты, Верка... Такое у тебя лицо... Очень красивая. Ты никогда такой не была... Нет, это я, я не видел... я хочу быть с тобой... слышишь? старушка моя... Вот оно, наше пятнышко. Тепло тебе? Это потому что солнце... Помнишь, как мы на таком же вот зайчике?..
 Вера... Я принес тебя на наш лучик... Тепло?.. Мне прохладно... зябко как-то... да-да, сейчас я к тебе... оно уже греет... да-да... *(Ложится рядом, смотрит на ее профиль, очерченный простыней, проводит по нему пальцем.)* Красивая ты!.. *(Обнимает, целует ее, не поднимая простыни.)*

Вера, Вера, Вера... Давно мы с тобой не лежали вместе, ох, как давно... Ты, когда заболела, ушла... нет, это я ушел в другую комнату, ушел от тебя, дурак... столько лет я не чувствовал тебя рядом... Вера, Вера... *(Целует.)* Я хочу быть совсем близко к тебе... слышишь? Ты понимаешь?.. Вер... *(Ложится вплотную к ней, гладит ее).* Хочу, чтобы мы слились в одно целое... Вера, Вера!.. *(Плачет.)* Господи, боже мой!.. Вера, Верочка!.. Именно так я и хотел, чтобы... чтобы нас нашли вот так, понимаешь?.. Два, слившиеся насмерть, тела! Вера!..

Господи, зачем я жил, почему живу до сих пор?! Кому была нужна моя жизнь! Ничего не осталось!..

Почему ты умерла раньше меня?! Почему ты умерла?! Кто тебя просил, кто?! Ах, Вера!.. Плохо мне... Вот ведь глупость какая – человек умирает от жизни, от собственной жизни... Ох, как плохо!.. *(Звонит телефон.)* Телефон... это сын, наш с тобой сын... беспокоится, волнуется... придет, скоро придет... и все будет хорошо... как тогда...

Ты прости меня, Вер, за нелюбовь мою!.. и за жизнь нашу прости!.. Совсем

тебя не любил! То есть, нет, любил, но!.. Прости меня!.. Но я... я буду, слышишь, теперь я... теперь я обещаю тебе!.. теперь я понял!.. Я буду тебя люб!..

У него едва хватает сил, чтобы обнять ее, в последний раз поцеловать. Он умирает.

Беспрерывно звонит телефон.

Конец.

Москва, 1991

© Илья Члаки

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено.

Все права защищены.